

Сказочные были старое в новом

А.В. Амфитеатров

Александр Валентинович Амфитеатров

Вербы на Западе

Рассказы и статьи, собранные в книжке "Сказочные были", все уже были напечатаны в разных периодических изданиях последних пяти лет и воспроизводятся здесь без перемены или с самыми незначительными редакционными изменениями.

Относительно серии статей "Старое в новом", печатавшейся ранее в "С.-Петербургских ведомостях" (за исключением статьи "Вербы на Западе", помещённой в "Новом времени"), я должен предупредить, что очерки эти — компилятивного характера и представляют собою подготовительный материал к книге "Призраки язычества", о которой я упоминал в предисловии к своей "Святочной книжке" на 1902 год. Поэтому прошу видеть в них не более, как эклектическую попытку изложить в лёгкой форме некоторые старинные народные верования и, отчасти, известнейшие мифологические воззрения на них. Дальнейших претензий, в настоящем своём виде, статьи эти не имеют.

Из остального содержания книги, рассказы "Наполеондер" и "Сибирская легенда" были первоначально напечатаны в "СПб. ведомостях", "Землетрясение" в

"Историческом вестнике", "Морская сказка" и "История одного сумасшествия" в "России", "Не всякого жалей" в "Приазовском крае".

Вербы на Западе

Народ французский освятил Вербное воскресенье нежным и красивым именем "Цветочной Пасхи", — Raques-fleuries. Это — праздник первой весны. Церкви и дома благоухают цветами; всюду — букеты из маргариток, скромного лугового цветка, одноимённого, по-французски, приближающемуся празднику праздников (Raquerette). В сёлах, ещё не вполне растлённых "концом века", крестьяне в праздничных одеждах посещают кладбища, где спят их отцы святят над их могилами вербы и, возвратясь с погоста, набожно укрепляют священные ветви над кроватью, между образками Спасителя и Божьей Матери. В Париже, накануне Вербного воскресения, пристань св. Николая в Лувре ещё недавно бывала завалена горами зелени, сплавляемой в столицу на судах по Сене. Несмотря на обильный привоз, зелень раскупали нарасхват, в несколько часов. Весь Париж зеленел: паперти, перекрёстки улиц, фонтаны, окна магазинов; у мужчин — ветки зелени в петлицах, у дам — букеты у пояса; кучера украшали зелёными султанами головы своих лошадей, водовозы оплетали травяными гирляндами

свои бочки. Amédee de Ponthieu, автор интересной книги "Les Fêtes légendaires", характеризует Вербное воскресенье в Париже шестидесятих годов словами: "Атеисты, деисты, добрые католики и даже животные все справляют на свой лад праздник в честь грядущего во славе Бога — в честь воскресшей весны".

Празднование Вербного воскресения началось на Западе не ранее VI века по Р. Х., т. е. с распространением христианства на галльский, германский и славянский север, в недавнем язычестве своём привычный к празднествам весны, возрождающей столь дорогую сердцу дикаря растительность леса и степи. В странах католических Вербное воскресение носит название "праздника пальм" — le dimanche des palmes, в воспоминание пальм, которые, девятнадцать веков тому назад, жители Иерусалима повергали под копыта осляти, привёзшего к ним Господа Христа. В северных округах Франции пальмы заменяются, как и у нас, вербою или, ещё чаще, буксом — деревцом из породы молодых, вечно зелёным, и зиму, и лето. *Vixus sempervirens*, определил его Линней. Почему

он всегда зелен, — о том есть легенда.

"Когда Иисус, на кресте, испустил последний вздох, вся природа омрачилась, весь мир содрогнулся. Кровавые облака затмили солнце. Заблестали пламенные зигзаги синей молнии. Пропасти разверзлись. Люди, животные, птицы, в страхе прятались по дебрям и трущобам. Ни одна стрекоза не пела, ни один кузнечик не трещал, ни одна муха не жужжала. Мёртвое молчание давило всю природу. Только деревья, кусты и цветы шептались между собою.

И сказала пиния пустыни Дамасской:

— Он умер. Отныне, в знак траура, я навеки оденусь в тёмную хвою и буду расти, как отшельница, в степях, далёких от жилищ человеческих.

Сказала вавилонская ива:

— Он умер! Ветви мои! склонитесь, в знак печали, к водам Евфрата. Каждую зарю я буду плакать о Нём слёзною росой.

Сказала виноградная лоза улыбающегося Сорренто:

— Он умер. В знак горя, я стану теперь приносить гроздь, чёрные, как уголь, а вино, вы-

жатое из моих плодов, получит название слёз Христовых [1].

Кипарис с горы Кармила сказал:

— Он умер. В свидетельство скорби, я сделаюсь деревом кладбищ, хранителем всех смертных горестей.

Тис, и прежде тёмный, почернел ещё более и сказал:

— Он умер. В знак тоски по Нем, я тоже посвящаю себя гробам и могилам. Горе пчеле, которая коснётся моих отравленных скорбью цветов: она умрёт. Горе птице, которая сядет на мои ветви: она умрёт. Горе человеку, который дышит моими испарениями: он умрёт [2].

Ирис сказал:

— Он умер. С этого дня я покрою свою золотую чашечку фиолетовым крепом.

Повилика сказала:

— Он умер. В память Его я стану каждый вечер закрывать свой душистый венчик и открывать его только по утру, весь полный ночными слезами.

Так плакались все растения. Дубы роняли жёлуди, фруктовые деревья — плоды, платан

растерзал на себе свою красивую кору. Скорбели все — от мощного ливанского кедра до подснежника в роще, до анютиных глазок в поле. Только тополь, суровый и надменный, не принял участия в общем горе. Он говорил:

— Что мне до Него? Он умер за грешных, — я безгрешен. Смерть Его меня не касается!

Слова тополя услышал ангел, улетающий на небо, с золотой чашею, полною божественной крови, собранной на Голгофе. В наказание безжалостному дереву, он брызнул кровью на корни его и повелел:

— Ты не делишь горя всей природы — не делить же тебе и её радостей! В тёплые летние дни, когда все остальные деревья будут мирно дремать под солнечными лучами, ты один будешь зябнуть и дрожать от корня до макушки; люди презрят тебя и станут с этих пор звать не тополем, но осиною [3].

Букс рос в кавказском ущелье. Тяжкий вздох умирающего Бога долетел к нему с Голгофы и оледенил ужасом его сердцевину. Листья его потемнели, ветки стали корявыми и переплелись между собою, словно ища помощи и защиты друг у друга. В свою очередь, он

произнёс обет:

— Я буду вечно оплакивать Иисуса. В знак скорби, я хочу произрастать только в бесплодных каменистых горах; осенять могилы моими вечными зелёными ветвями, как символ вечной скорби; служить кропильницею для святой воды, когда ею орошают гробы усопших".

По другой легенде, Исаак, Вечный жид, проходя горами Кавказа, коснулся вечнозелёного букса. От прикосновения проклятой руки листья деревца, в ужасе, свернулись и скорбились. Жид сделал себе из букса — "железного дерева" — неистомимый посох, опираясь на который бродит он по свету, повинуюсь таинственному велению:

— Иди! иди! иди!

В некоторых округах народное суеверие приписывало листьям букса большую мистическую силу; в других, например, в Франш-Конте, их считают, наоборот, вредными и проклятыми. В горах Юры есть предание, видоизменяющее пресловутую легенду о "Дикой охоте" тем, что место дикого охотника занимает в нём царь Ирод. Одному паромщику на

Конде случилось якобы однажды перевести этого горемычного государя, вместе с несметною его собачьей сворою, через реку. Ирод расплатился с паромщиком золотом; но когда парень вздумал пересчитать монеты, не нашёл в кармане ничего, кроме листьев букса.

В Провансе вербами служат мирт, лавр, маслина, на Юре — бук; в Испании и Италии — пальмы.

На славянском Западе — у чехов, у галичан — обычай освящения верб тот же, что и у нас. Священная верба считается целебным средством от разных болезней; в её отваре купают детей; против лихорадки рекомендуется съесть девять распуколок с свячёной вербы; от переполоха — надо вбить в стену вербовый колышек, и испуг не будет иметь вредных последствий; вербою отбиваются от водяного, от вампиров; верба спасает поля от града, мышей и кротов, а дома — от пожара; если бросить вербу против ветра, она укрощает бурю; чтобы домашний скот был здоров, его выгоняют на первый подножный корм освящённою вербою; чехи кормят ею коров, чтобы у них не портилось молоко, клады, по божем-

скому поверью, тоже открываются лишь при помощи свячёной вербы. В Малороссии верят, что кто пойдёт к заутрене под Светлый день с свячёною вербою и станет смотреть сквозь ветки вербы на собравшийся народ, тому обнаружатся колдуны и ведьмы околотка, потому что все покажутся стоящими, как следует, а они — головами в низ, а ногами вверх. Чтобы увидеть ведьму, чехи советуют в Великую субботу зажечь в печи освящённую вербу: сейчас же явится баба и станет просить огонька взаймы. То и есть ведьма.

Любопытно, что, подобно буксу у народов романских, верба у западных славян дерево — то благословенное, то проклятое. Галицкое поверье объясняет, что

*Коли жидове Христа мучили,
По распятию распинали,
Клюков за рёбра разбивали,
Терновый венец на голову клали.
Елевы шпильки за ногти били,
Всякое дерево не легло в тельце,
Червива ива согрешила —
Иисуса Христа кровь пустила.*

То верба гонит демонскую силу, то сама служит ей пристанищем, настолько постоянным, что у всех славянских народов существует одинаковая пословица — "влюбился, как чёрт в сухую вербу". Таинственное значение вербы, впрочем, гораздо старше мистической роли её в христианстве. Литовцы воздавали вербе почести, считая её женщиною, по имени Блиндою, обращённою в дерево по зависти матери-земли к её плодородию. Венчание "вкруг ракитова куста" — исконный славянский обряд. Даже в христианские времена он имел законную силу, а наш Стенька Разин, захватив власть на Дону, ввёл его, как господствующую брачную церемонию, приказав казакам венчаться не в храмах, но около верб.

Знаменитый своею красотой путь от Ниццы до Генуи, по Ривьере, — сплошной сад почти тропической растительности. На пути этом, близ известного курорта Сан-Ремо, есть пустынь св. Ромула. Здесь и на высотах Бордигеры искони существует промысел пальм, доставляемых бордигерцами в Рим к Вербному воскресенью, на что они имеют даже особую привилегию — старинную, от папы Сикста V.

По легенде, привилегия эта заслужена находчивым советом одного бордигерца, когда ставили известный обелиск на площади Св. Петра. Чтобы не развлекать рабочих, поднимавших страшную тяжесть драгоценного античного памятника, зрителям сооружения было запрещено папским указом, под страхом смертной казни, произносить хоть одно слово, пока обелиск не очутится на пьедестале. Толпа хранила молчание, но работа не спорилась. Наконец, гранитная масса двинулась, — канаты напряглись, готовые перегореть и лопнуть. Это заметил один рыбак из Бордигеры. Забыв о папском приказе, он закричал на всю площадь:

— Мочите верёвки! мочите верёвки!

И тем предотвратил уже почти неизбежную катастрофу, грозившую уничтожить обелиск и передавить его громадою множество народа. В воздаяние за заслугу бордигерца и дарована благодарным папою его родному городу пальмовые монополии Вербного воскресенья.

Почтение, оказываемое во всём христианском мире пальмам — эмблеме мучениче-

ства, торжества добра над злом, — имеет также свою легенду.

"Во время бегства в Египет, Св. Семейство вошло в некоторый большой город. Тотчас же во всех городских храмах все идолы попадали с алтарей и разбились в куски, а жители стали метаться по улицам с воплями ужаса, отчаяния и мести. Святым путникам пришлось бежать из города в пустыню, не захватив, второпях, никакой снеди.

Вскоре Дева Мария почувствовала голод и жажду. Остановились на роздых в тени смоковницы. Вблизи возвышалась финиковая пальма, отягчённая плодами. Пресвятая Дева сказала:

— Как охотно вкусила бы я этих плодов, если бы можно было достать их!

Св. Иосиф трясёт дерево, но плоды не падают. Пробует сшибить их палкою, но не в силах добросить её до кистей своею старческою рукою. Он печально покачал головою и сказал:

— Финики растут слишком высоко. Пойдём дальше. Авось, найдём другую пальму, более доступную.

Но Мария была слишком утомлена и голодна. Она заплакала. Тогда Младенец Иисус повелел:

— Пальма, прекрасная пальма! наклонись, подай свои плоды Моей кроткой Матери.

Пальма наклонилась, и Богородица сорвала фиников сколько хотела, после чего пальма снова выпрямилась, покрытая плодами пышнее прежнего. Тем временем Младенец Иисус, посаженный Богоматерью на землю, между корнями смоковницы, погрузил ручку Свою в песок, — и из-под перстов Его хлынул обильный ручей, утоливший жажду путников. Прежде чем продолжать дорогу, Иисус обратился с благодарностью к пальме, напитавшей Его Мать:

— За это Я повелю Моим ангелам перенести одну из твоих ветвей в рай Моего Отца; а на земле ты будешь, в знак Моего благословения, служить венцом для всех мучеников и воителей за веру. Им будет сказано: Вы заслужили пальму победы!"

В Риме предпасхальные торжества начинаются раздачею пальмовых ветвей в храме св. Петра. Монахи возлагают ветви, разукра-

шенные позолотою, лентами, билетиками с текстами из св. Писания, на алтарь св. Петра; затем, в великолепных корзинах, подносят их папе. Он восседает в нише на троне, окружённый кардиналами, прелатами, принцами, посланниками. Папа благословляет пальмы и раздаёт их свите. Затем папу несут в торжественной процессии, под балдахин, с тиа-рою на голове и пальмовою ветвью в руке, к главному входу собора; он стучит своим посохом в двери, — *attollite portas principes vestras!* Когда папа возвращается, в своих носилках, к алтарю, церковь наполняется резкими и протяжными звуками длинных библейских труб, гремящих с высоты. Хор гласит: *tu es Petrus, esse sacerdos magnus etc.* Эффект поразительный, необычайный даже в богатой эффектами католической церкви. Потом свершается месса, мрачное пение Страстей Господних; народу открываются мощи — часть Животворящего Креста, плащаница, подлинное копьё, коим было прободено Тело Спасителя, и т. д.

В средневековом Париже, по многочисленности в нём монастырей и монашеских орденов, свершалось в Вербное воскресенье не ма-

ло процессий всякого рода. Самая популярная — процессия св. Женевьевы — описана современником в таком порядке:

"В этот день, после утренней службы, в сопровождении большой и нарядной толпы, процессия от всех коллегий, подчинённых парижскому архиепископу, идут крестным ходом, без пения, в церковь Sainte Geneviève du Mont; у входа в сию церковь архиепископ благословляет вербы (les rameaux), произносятся установленные молитвы. Потом спускаются, по улице св. Иакова, к воротам Petit-Châtelet, близ которых дома украшены плющом и зеленью и по обе стороны улицы устроены скамейки для господ каноников. Поётся антифон (Gloria, laus et honor), после чего господин архиепископ, одетый в праздничные ризы, стучит в двери тюрьмы, возглашая *attollite portas*. Смотритель тюрьмы отмыкает затворы, и архиепископ, войдя в темницу, освобождает одного из узников, который затем следует с процессией до собора Notre Dame, неся шлейф мантии архиепископа, *pro gratiarum actione*".

Так начиналась Страстная неделя, средне-

вековая la semaine d'angoisse. В церквах, после литургий, представлялись мистерии: "Плач трёх Марий", воспеваемый канониками в женских костюмах древней Иудеи; моление о чаше; масличный сад с пещерою; "служба путников" или явление в Эммаусе, тоже с костюмами и декорациями; Тайная Вечеря и Иуда-предатель; сошествие во ад; воскресение Лазаря; "представление Пасхальной ночи" и т. д. Духовенство каждый день занимало толпу новыми зрелищами на темы священных воспоминаний, то трогательными, то страшными, угрожающими. Эти мистерии производили сильное впечатление и не мало способствовали обаянию и могуществу духовенства в старом Париже.

В знак траура, колокола и даже маленькие колокольчики у алтарей безмолвствовали. На звонарне Notre Dame, начиная с полудня чистого четверга до пасхальной заутрени, стучали в знаменитое деревянное било, время службы возвещалось прихожанам детьми, которые бегали по улицам с трещотками. В северных департаментах Франции и в Лотарингии обычай детской беготни сохранился до

девятнадцатого века; по крайней мере в шестидесятих годах он ещё существовал.

Некоторые странные обычаи, сопряжённые в средние века с Вербным воскресением, имели, вообще, очень долгий век. Так — жители Chaumont около пятисот лет справляли весьма дикий обряд, именуемый "Шомонскою чертовщиною" ("La Diablerie de Chaumont"). В Вербное воскресенье, двенадцать граждан Шомона, по предварительному избранию, определялись... в черти! Их одевали дьяволами: в страшные маски с рогами, в широкое платье из чёрной материи, испещрённой огненными языками. Черти следовали за вербною процессиею, в числе других молящихся, и пели гимн: *qui est iste rex gloria?* Когда отверзались церковные врата, черти в храм не входили, а расходились по городу и деревням, чтобы взимать налог с иногородних обывателей, приехавших в Chaumont на праздники. Этот насильственный сбор поступал в пользу чертей — на поправку их обстоятельств. Многие, запутавшись в долгах, домогались "попасть в черти", как особой чести. Обычай возник в XIII веке, а уничтожен был в

1760 году, при чём были сожжены на костре и нелепые костюмы шомонских чертей. "Шомонская чертовщина" пользовалась в Шампани такую популярность, что любопытные посмотреть на это дурачество съезжались из окрестности за тридцать, за сорок лье.

Flagellation del'Alleluia — Вербное бичевание аллилуйи — праздновалось преимущественно в городах по Верхней Марне, в неделю пред Пасхою, причём особенно славился им город Лангр. В Тулоне "аллилуйю" хоронили с большою торжественностью, как знатного покойника. В Лангре же с нею поступали гораздо хуже: её выгоняли из церкви плетьюми. Церковные правила выработали целый ритуал этой странной церемонии. На игрушке, в роде волчка, писали золотыми буквами слово аллилуйя. Дети из церковного хора, в час, определённый уставом, приближались к месту, где находился волчок, с крестом и хоругвями. Начиналось бичевание: волчок вертелся под ударами хлыста, а дети пели псалмы и гимны, пока не выгоняли, таким образом, крутящуюся аллилуйю из храма, желая ей на прощание — *bon voyage jusqu'à*

Page prochain. В других местностях, например, в Auxerre, аллилуйю умерщвляли, хоронили, воскрешали. Дети из хора справляли этот обряд по субботам, в неделю о блудном сыне. После обедни они приносили в церковь, с рыданиями и вздохами, гробик — якобы с умершею "аллилуйею", а в св. субботу праздновали её воскресение. Обычай — языческий, связанный, быть может, ещё с доисторической стариной. Он напоминает и плач о мёртвом Адонисе, как описал его Феоокрит, и похороны Костромы, как справляют их пензенские и симбирские бабы: аллегория смерти и возрождения солнечного божества — мифическую основу почти всех культов. Связь мнимо-христианских обрядов похорон и воскресения "аллилуйи" с древне-языческими похоронами и воскресением весенней жизнерадости хорошо выясняется сближением французского обряда с поверьями чехов и моравов. Они называют воскресенье недели о блудном сыне — "смертною неделею" и поют ему обрядовую песню такого содержания:

"- Смертная неделя! кому ты отдала ключи от земли?"

— Я отдала их Вербному воскресенью.

— Вербное воскресенье! куда ты девало ключи?

— Я отдала их Чистому четвергу.

— Чистый четверг! куда ты девал ключи?

— Я отдал их св. Юрию.

Св. Юрий вставал и отмыкал землю, чтобы росла трава — трава зелёная".

До изобретения колоколов, аллилуйя — вопль духовной радости — служила призывом верующих к молитве. Именно в Аухерге, при знаменитом Ажио, воспитавшем свой музыкальный вкус в Италии, раздались впервые, за пасхальной мессою, звуки музыкального инструмента *serpent*, изобретённого местным каноником Эдмоном Вильгельмом. Этот примитивный инструмент теперь попадает ещё в иных захолустных церквах.

Легенда, древняя, почти как само христианство, гласит, что в пещере Гефсиманского сада, где Христос пролил кровавые слёзы, скрывались некогда — по изгнании из рая — прародители человечества; что на этой же Голгофе, где воздвигся крест во искупление первородного греха, были погребены его ви-

новники. Когда Христос умер, Адам и Ева, при вихре и землетрясении, вышли из гроба, склонились пред Божественным Страдальцем и, обмакнув персты в Его святую кровь, первые из людей начертали на своих челах знак креста, их искупившего.

Вечный жид, выходя из Иерусалима, видел прародителей человечества — на Голгофе, у трёх крестов. Их казнь кончилась, его началась. Он оскорбил праотцов ужасными словами и, спустившись с лобного места, исчез в пустыне...

Примечания

Лакрима Кристи.

[^^^]

2

В Нормандии рассказывают, будто монахи одного аббатства вымерли оттого, что спали в комнате с полами из тиса.

[^^^]

Наши русские легенды объясняют вечную дрожь осины тем, что на ней повесился Иуда предатель. Народ никак не хотел, чтобы у Иуды хватило совести на самоубийство из раскаяния, и создал легенду, не без остроумия объясняющую смерть предателя корыстными соображениями, вполне в духе Иуды: "Повешусь, — думает себе, — пойду в ад; а Христос, как будет вызволять людские души из пекла, и мою вызволит!" Ни одно дерево не хотело принять на себя предателя, кроме осины: за то она и наказана. Другая легенда вешает Иуду на бузине, — за то она не годится для построек, и дьявол её любит.

[^^^]